

Владимир Капаев

Мусорная память

18+

Владимир Капаев

Мусорная память

<https://litres.ru/74397814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ «Мусорная память» — это отрывок из реальной жизни, который учит молодое поколение увидеть свои ошибки и вовремя их исправить. Но что делать, когда отец, привыкший командовать, не слышит никого, кроме собственной гордыни? Когда мать, годами затаивавшая голос, растворяется в тишине, а дети вынуждены выбирать между долгом и любовью? Эта история о том, как одно необдуманное слово рушит судьбы, как семейные тайны всплывают в самый неподходящий момент и как чёрная вода прошлого затягивает тех, кто боялся сделать шаг навстречу. Здесь нет идеальных героев — есть живые люди, которые ошибаются, страдают, теряют и лишь на краю пропасти понимают, что настоящая ценность не в деньгах и не в статусе, а в умении прощать и слышать. Прочитав, вы задумаетесь: а не повторяете ли вы ошибки своих родителей? И успеете ли вы их исправить, пока не стало слишком поздно?

Владимир Капаев

Мусорная память

– Я развожусь, – сказал Виктор.

В его голосе не было привычной, почти материнской мягкости, от которой у Сергея Петровича всякий раз ныло под ложечкой. Теперь в нём звенела сталь – тонкая, но отчётливая, как лезвие опасной бритвы. – Я развожусь с Кристиной и женюсь на другой.

Сергей Петрович поперхнулся воздухом. Он сидел во главе стола – грузный, с тяжёлой челюстью и глазами, умевшими делать больно одним лишь взглядом. Как раз снял очки, чтобы протереть стёкла, и мир без них казался расплывчатым и враждебным. Таким же враждебным, как этот чужой голос сына.

– Ты... чего? – переспросил он, хотя расслышал прекрасно. Это была привычная уловка – дать провинившемуся шанс одуматься, пока тот ещё не договорил до конца.

– Развожусь, – повторил Виктор. Он стоял напротив, у двери, пальцы нервно теребили край пиджака – материнская черта, слабость. Но в глаза отцу он смотрел твёрдо. – Жить с ней больше не могу. Не сошлись характерами. И... я её не любил, отец. Ты знаешь. Ты сам меня уговорил.

– Уговорил, – подтвердил Сергей Петрович, с трудом

сдерживая рвущийся наружу гнев. – Но ты согласился.

– Из уважения, – виновато промямлил сын. – Послушался тебя. Но она мне противна.

– Витя, – стараясь смягчить голос, промолвил отец, – ты просто устал. Тебе надо отдохнуть. Я достану вам путёвку на море.

– Батя, она мне не нравится, – прервал его Виктор. – Не могу я её выносить. Ну не нравится – хоть убей. И ничего я с собой поделать не могу.

Сергей Петрович шагнул к сыну и обнял его.

– Сынок, – промолвил он, глядя прямо в глаза, – Витя, ты с ней прожил три года. Всё ведь было хорошо. Что случилось? У тебя дочке два года... Есть квартира, дача, машина. Чего тебе не хватает?

– Прости меня, батя, но я полюбил другую, – ответил сын, освобождаясь из объятий. Он сделал несколько шагов назад, и стол, возникший между ними, стал не просто преградой – полем боя.

– Я тебя на путь истинный наставлял! – загремел Сергей Петрович. – Девка из хорошей семьи, фармацевт, тихая, покладистая! А ты! Мягкотелый тюфяк! Мать в тебя, вся мать! Вас, мужиков, только за юбку дёрни – вы и поплыли!

– Не кричи, – тихо попросила из угла мать, Вера Павловна. Она сидела в кресле, и руки её мелко дрожали – всегда дрожали, когда муж повышал голос. – Серёжа, ну зачем же...

– Молчи! – рывкнул он, не оборачиваясь. – Ты свою педа-

гогику уже показала! Вырастила...

Он осёкся. Сын перебил его – чего раньше никогда не позволял:

– Батя, ты меня не слышишь. Я люблю другую. И женюсь на ней.

– Это на какой же такой «другой»? – голос отца упал до шипения, опасного, предгрозового. – Уж не на той ли побитирушке, что за прилавком стоит? С ребёнком? От пожарника Гасанава, который, как и его отец, полжизни в кабаке пропивает?

Виктор побледнел, но не отступил.

– Её зовут Надя. И она...

– Я знаю, как её зовут! – взорвался Сергей Петрович. Он шагнул вперёд, и стол жалобно скрипнул, когда он опёрся на него кулаками. – Витя, ты думаешь, я тебе плохого желаю? Остепенись! Ты хоть знаешь, кто её мать?! Любка! Шлюха, которая в своё время... – он задохнулся, ибо правда, которую он так бережно прятал в тёмных подвалах своей души, рвалась наружу. – Которая бегала за мной! Позорище! А бабка её – и вовсе ведьма! Все в городе знают! Девка эта – невесть от кого рождена! Может, и вовсе от лешего!

– Замолчи!

Крик сына был неожиданным. Он ударил, как пощёчина. В комнате повисла такая тишина, что стало слышно, как за окном шуршит зелёными лапками высокая ель.

– Я знаю всё, – тихо добавил Виктор. – И про Любу знаю.

И про тебя. Только она не виновата в том, что ты...

— Идиот! — выкрикнул, не сдержавшись, отец. — Ты не просто бросаешь жену! Ты бросаешь дочь! И идёшь растить чужого выродка!

— Вон! — Сергей Петрович не кричал. Он выдохнул это слово, и оно повисло в воздухе, как приговор. — Вон из моего дома! Чтобы ноги твоей здесь не было! Ты мне больше не сын!

Вера Павловна всхлипнула, прижав платок к губам. Она смотрела на сына, на мужа, и в глазах её была такая мука, словно это её сердце резали на части. Она привыкла подчиняться, привыкла соглашаться, лишь бы в доме было тихо. Но сейчас внутри неё что-то дрогнуло. Бунт — крошечный, беспомощный, как птенец, выпавший из гнезда.

Виктор молча развернулся и быстрыми шагами бросился из квартиры. Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что задрожал косяк, — и этот звук стал окончательным и бесповоротным подтверждением его решения.

Сергей Петрович остался стоять, тяжело дыша. Он перевёл взгляд на жену, ища в ней поддержки. Но Вера Павловна смотрела в сторону, на закрытую дверь. И в этом взгляде было то, чего он боялся больше всего. Не осуждение. Понимание.

— Дурак, — сказал он наконец, неизвестно к кому обращаясь. — И весь род дурацкий. В кого ж вы такие?

Он помолчал, хватая ртом воздух. Злость искала выхода.

– Ему, явно, эта ведьма, бабка Любки, что-то подсыпала! – пробормотал он, сжимая кулаки. – Он же неадекватный! Не слышит, не понимает, что творит! Ну, я тебе устрою!

Ночь не принесла облегчения. После скандала Вера Павловна так и не сомкнула глаз. Едва сознание начинало проваливаться в тягучую дремоту, как её настигали кошмары – обрывки липких, тревожных видений, от которых она вздрагивала и вновь возвращалась в реальность, пугающую и безысходную.

– Ты наконец дашь мне поспать или нет? – раздался в темноте недовольный, сонный голос Сергея Петровича. – Бери подушку и вали на диван.

Жена тяжело вздохнула, но в этом вздохе послышалось почти облегчение. Она молча поднялась и, стараясь не скрипеть половицами, ушла в соседнюю комнату.

Утро встретило её хмурым, свинцовым небом за окном. Таким же безрадостным выдался и завтрак. Они жевали спаржу в тягостном молчании, не глядя друг на друга. Вера Павловна разрывалась на части: материнское сердце металось между двумя враждующими лагерями, не зная, к какой из стен прильнуть в поисках защиты. В глубине души она понимала мужа, но точно так же остро чувствовала правоту сына. Боль терзала её при мысли, что любимая внучка может остаться без отца. Чем же плоха невестка? Умница, красавица, хозяйка. Сколько раз она твердила мужу: «Пусть сам решит, не надо принуждать его к чувству». Но разве Сергей

Петрович когда-либо прислушивался к её словам? Для него её голос всегда был пустым звуком. Всё должно вершиться только так, как желает он.

– Вера, – окликнул её муж, наливая себе чай. Его голос вырвал её из омута тяжёлых раздумий. – Собирайся. Съезди в Колпино, проведай Оксану.

– Может, вместе поедем? – несмело предложила жена, отводя взгляд. – Внучку хоть увидим. В этом месяце ей годик стукнет.

– Одна поедешь, – отрезал Сергей Петрович. – Погостишь у дочери недельку, поговори с ней по душам. А то я вижу, она тоже хвост поднимает, как и Витька. Одного мужа бросила, со вторым теперь какие-то трения. Я уж тут и сам на хозяйстве справлюсь. Тем более мне нервничать нельзя: второй инсульт перенёс. Эти детки нас с тобой до гробовой доски доведут своими выходками.

Вера Павловна тяжело вздохнула, опустив плечи. Она знала твёрдо: лишь благодаря её ежедневной заботе, терпению и уходу муж ещё держится на этом свете. И эта мысль порождала в ней липкий, животный страх – страх остаться одной, без него. Он был для неё всем: решал любые вопросы, брал на себя все тяготы, прятал её от житейских бурь, точно за каменной стеной. Но эта же стена, спасительная и нерушимая, давила на неё, принуждая жить лишь по его законам, не смея перечить, не смея дышать полной грудью. И это гнету-

щее чувство обременяло её всё сильнее с каждым прожитым годом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.